
ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ

С.Б. Бурков

Государственное бюджетное учреждение
Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания
ул. Ватутина, 46, г. Владикавказ, Россия, 362025

Статья посвящена установлению соответствия между историческими выводами о происхождении нахских (вайнахских) этнических сообществ в эпоху раннего железного века с уровнем изученности материальных памятников данного исторического периода применительно к территории современной Чечни. В результате делается вывод о том, что степень обработки, публикации и научного осмысления памятников и предметов материальной культуры эпохи раннего железного века с территории Чечни не соответствует современному уровню их теоретического обобщения и исторических выводов о далеком прошлом ее автохтонного населения.

Ключевые слова: ранний железный век, исторические судьбы, этносы, методы изучения, собрания древностей, коллекции, погребальные комплексы, курганы, городища, находки, погребения, фонды, принципы научности, археологические раскопки.

В последнее время возросло внимание к этно-историческим реконструкциям древности, связанным с происхождением и историческими судьбами народов Северного Кавказа, в том числе т.н. «нахских общностей» эпохи раннего железного века (1). Эта тема привлекала к себе внимание и ранее (2). И если одни из исследователей достаточно осторожны в своих высказываниях относительно исторических судеб древнего населения края, то другие предпочитают реконструировать прошлое, опираясь в основном на соображения политико-лингвистического содержания. Анализу подобных «изысканий» посвящен ряд специальных работ (3).

В настоящей статье анализируются вопросы, связанные с формированием и применением методов поиска, изучения, хранения и музеефикации предметов и памятников середины VIII в. до н.э. – конца IV в. н.э., найденных и находящихся на территории Чечни в ее современных административных границах. Это необходимо для того, чтобы установить, насколько имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют решать вопросы реконструкции этнокультурных процессов эпохи раннего железного века применительно к археологическим памятникам с территории Чечни. Они в

целом совпадают со временем изучения самих объектов эпохи раннего железного века с территории республики, ранее выделенных автором (4).

Для I этапа характерно формирование разрозненных коллекций и собраний древностей, полученных в ходе стационарных полевых работ. В их число часто включались отдельные предметы, найденные случайно или купленные у местных жителей, для которых грабительские раскопки древних могил стали заметной статьей дохода. В основном это были материалы из погребальных памятников, внимание к поселенческим артефактам сформировалось значительно позднее. Бытовые памятники интересовали исследователей в связи с военно-фортификационными факторами, описывались, но не исследовались стационарно (5). Зачисток и шурфовок не производилось, исследования ограничились описанием и сбором случайных находок.

Методики того времени особое внимание уделяли раскопкам курганов. Археологический съезд 1874 г. выработал правила научных раскопок земляных насыпей, порядка извлечения и хранения найденных из них предметов. В дальнейшем они были приняты и Комитетом по устройству Московской антропологической выставки. В протоколах подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе содержатся предложения по методике исследования курганов на Северном Кавказе, в том числе – в виде инструкции В.Б. Антоновичу и В.Г. Бернштаму. Они содержали и ряд рекомендаций по фиксации культурных слоев – закладку контрольной траншеи для установления характера напластований и изучения их с горизонтальными зачистками. Это позволяло устанавливать соотношение отдельных находок относительно стратиграфических горизонтов. Исследователям предлагалось отмечать и особые характеристики грунта (6).

На памятниках раннежелезного века Чечни в дореволюционную эпоху эти приемы не применялись. Для каменнойщичных погребений преобладал принцип изъятия из них отдельных предметов, без графической либо фотофиксации, погребальные конструкции только бегло описывались. Снимки погребений, культурных слоев, насыпей курганов применялись редко, сами кадры были малоинформативными. Дневниковые описания деталей погребальной обрядности не отмечали. Краткая информация о найденных предметах содержалась только в описях, прикладываемых к коллекциям. При публикациях ограничивались изображениями наиболее интересных находок, рядовой массовый материал внимания почти не привлекал.

«На снос» копались лишь невысокие насыпи. Формы погребальных ям, их глубины, выкиды, точки привязки, структура и архитектура самой насыпи фиксировались редко. При раскопках крупных курганов чаще всего изучалось центральное погребение; впускные захоронения, отдельные комплексы, другие детали погребальной обрядности оставались неизученными. Совершенствование правил полевого изучения памятников шло медленно. Методические рекомендации Н.И. Веселовского и Н.И. Златоверховникова, посвященные раскопкам курганов, городищ и валов, подготовленные для XIV

археологического съезда в г. Чернигове в 1908 г., не нашли отражения в материалах Предварительного комитета. Из дореволюционных методических рекомендаций по ведению раскопок курганов и поселений были опубликованы руководства Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына и В.А. Городцова.

Кроме того, происходит обобщение правил работы с керамикой, металлом и антропологическими находками. Полученные коллекции передавались, в основном, на хранение в музеи Москвы и Санкт-Петербурга, т.к. региональные хранилища древностей в местах их находок только формировались и не обладали возможностями для их сохранения и представления.

Практика изъятия и перераспределения найденных предметов через Императорскую Археологическую Комиссию приводила к дроблению раскопочных материалов и расформированию коллекций. Способы их хранения (по материалу), размещение на отдельных планшетах, постоянно приводили к утрате частей или целых предметов из железа и стекла.

Ведение описей различались по степени детализации: сама документация чаще всего была подробна, но описание отдельных предметов в музеях велось непрофессионально. Д.Я. Самоквасовым отмечалось, что в связи с большим объемом поступлений вещей из раскопок коллекции в музеях часто смешивались, что приводило к невозможности дальнейшей работы с находками. При публикации материалов даются только извлечения из дневников раскопок, сами дневники не публикуют. В настоящее время довольно непросто установить тип некоторых предметов (7). Этой цели помогает просмотр фотоматериалов. Кадры находок, закрепленных на планшетах, позволяют исследователям значительно точнее соотносить изучаемые предметы с их описаниями (8).

Подробные отчеты о раскопках в Чечне печатались в периодической печати (курганы у сс. Бойси – Ирзо и Ани – Ирзо). Практика фотофиксации предметов продолжала применяться и в дальнейшем. Так, коллекции ГИМ были отсняты на пленку в последние предвоенные годы, что в настоящее время оказывает серьезную помощь исследователям в поиске необходимых материалов. В послевоенные годы этот метод помог в восстановлении «расшитых» при эвакуации планшетов в ходе нового составления расформированных коллекций.

Фотография принесла новое, более высокое качество в изучение памятников и предметов археологии. Часть вещей, найденных в конце XIX – начале XX в., в дальнейшем была утрачена и сохранилась для работы исследователей лишь благодаря фотоснимкам.

На II этапе возросший уровень приемов и методов полевого изучения позволил с большей подробностью фиксировать изучаемые памятники, в основном – при раскопках грунтовых и каменнаящичных погребений. Исследования бытовых памятников велись в незначительных объемах. Преобладал их внешний осмотр, коллекции подъемного материала создавались эпизодически. Культурные слои определялись визуально, с помощью анализа

отдельных находок. Оценка различий между технологическими традициями позднего этапа раннежелезного века и начальных веков раннего средневековья произведена не была, выделение культурных слоев по их особенностям, на многослойных городищах, вплоть до середины 50-х гг., было проблематичным.

В методиках полевого изучения и правилах фиксации материалов преобладали описания, значительное внимание уделялось разведкам и обнаружению новых объектов. При этом в основном исследователям предлагался набор полевых приемов, выработанных еще в дореволюционной России (9). Подобными методическими рекомендациями руководствовались и сотрудники ГАИМК и ИИМК (А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий, Е.И. Крупнов), исследуя в 1936–1939 гг. в том числе памятники эпохи раннего железного века на территории Чечни (10).

Неразработанность стратиграфической колонки для керамики позднего этапа раннего железного века, а также значительное «переживание» типовых предметов в могильниках горно-предгорной зоны наложили свой отпечаток и на исторические выводы относительно судеб населения края в изучаемый период времени. Например, для Алхан-Калинского городища пересмотр датировок времени его основного существования стал возможен лишь недавно, несмотря на значительные объемы полевых работ. В настоящее время городище определяется как объект финала раннежелезного века – II–IV вв. н.э. (11).

В предвоенные годы стала формироваться археологическая коллекция Грозненского областного музея краеведения, куда частично были переданы и предметы из Северо-Кавказского музея краеведения и Ингушского областного музея краеведения г. Владикавказа. Начало ее создания было положено коллекциями Б. Скилиотти, Н.С. Семенова, Ф.С. Панкратова, А.В. Уэльса, А.П. Круглова. Многие предметы, передаваемые в фонды на постоянное хранение, были описаны и зарисованы, что в последующем было частично использовано последующими исследователями.

Для 30–40-х гг. XX в. было характерно активное составление рукописных фондов, которые пополняли в том числе и тексты полевых отчетов исследователей. Коллекции предметов из археологических раскопок экспедиций ГИМ, ГАИМК (ИИМК) в предвоенные и первое послевоенное десятилетие продолжали поступать в центральные хранилища.

В работах в 60–70-е гг. прошлого столетия (СКАЭ) были задействованы Грозненский НИИ и музей краеведения, поэтому местные научные учреждения стали формировать собственные археологические коллекции. При передаче их на хранение описи предметов, составляемые полевыми сотрудниками экспедиций, отвечали принципам научности. Находки, выявляемые сотрудниками региональных организаций, при их оформлении сопровождались краткими пояснениями и рисунками. Их научная апробация происходила редко, зачастую – без детального научного описания. Это было связано с недостаточной квалификацией научных работников и ограниченностью пуб-

лицистических усилий музея краеведения. Традиции по привлечению региональных коллекций при написании обобщающих диссертационных исследований только складывались, однако эти материалы начинают использоваться заметно активнее.

Традиция малоинформативности отчетов, передаваемых в отдел полевых исследований ГАИМК (ИИМК) Института археологии, продолжилась и в последующие годы. Найденные предметы и чертежи представлены в них фотографиями, часто – без масштаба, описания вещей поверхностны. Это связано в том числе и с попытками сохранить информацию от несанкционированного использования. Продолжала сохраняться практика внесения подробных записей в раскопочные дневники. Детализация в оформлении результатов полевых научных изысканий произошла в конце 70-х гг. XX в., когда ОПИ вводятся новые правила оформления произведенных работ (12).

Для III этапа характерно наличие более полной и детальной информации в материалах научных публикаций, полевые отчеты часто схематичны и содержат только часть информации, особенно – в альбомах иллюстраций. В курганах есть привязки, но данные нивелировок отсутствуют, чертежи погребений и бровок, значительная часть вещей представлены фотографиями, рисунки часто даны без масштаба. На Сержень-Юртовских поселениях I и II работы велись с постоянным совершенствованием методики раскопок, что позволило получить объективную картину формирования стратиграфических напластований и уловить позднейший этап функционирования, пришедшейся на «сарматское» время (13).

Проще было с исследованием однослойных памятников (Бамутское поселение), однако послойная регистрация находок здесь не применялась, отчетные материалы содержат сведения лишь об их поквдратной фиксации. Эта тенденция была прослежена и для последующих этапов. После завершения деятельности в крае объединенной СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова масштабные работы были свернуты, за исключением работ на Сержень-Юртовских поселениях. Исследованиям подвергались отдельные погребения и могильники, в основном в горно-предгорной зоне. Для работ на поселениях и городищах чаще была характерна шурфовка и закладка траншей, зачистка обнажений и сбор подъемного материала. Стационарные работы большими площадями велись редко и недолго. В связи с массовостью находок, после реставрационных работ и написания текстов отчетов, они стали передаваться на хранение в местные музеи.

Приемы и методы полевой фиксации грунтовых могильников нашли отражение и в характере формирования отчетов, которые на IV этапе стали более детальными. Они позволяют использовать вновь полученные данные для их более детального анализа. Исследования курганов были связаны в основном с исследованием уже разрушенных насыпей. Фиксация отдельных захоронений происходила с использованием методических приемов, применяемых для некрополей грунтового типа, погребальные конструкции фикси-

ровались редко, информативность полевых работ незначительна, материалы опубликованы фрагментарно.

На V этапе возрос объем выполняемых работ, в основном – на курганных некрополях. Улучшилось качество отчетных материалов, применялись статистические приемы обработки данных. Учет находок при раскопках поселений – поквартный, планиграфические данные фиксируются редко, хотя эта методика и начинает применяться на Ильинском поселении (Ростунов Е.В., 1990 г.). В отчетах присутствует детальное описание найденных предметов.

Для передачи коллекций музеями стали разрабатываться и применяться собственные учетные документы, которые были обязаны заполнять исследователи памятников. По их результатам стороны подписывали акты приемки–передачи, в которых отражался характер материалов, их общее количество, а также сведения о приемщике коллекций.

Схематичность отчетных данных не способствует полноценному анализу погребальной обрядности и предметному сопоставлению материалов исследованных некрополей. Материалы случайно найденных и фрагментарно зафиксированных отдельных погребений трудносопоставимы. Точная стратиграфическая ситуация для большинства бытовых памятников не прослежена, большинство находок не опубликовано. Сборы керамики с поверхностей поселений и городищ представляют собой разрозненные серии и не «привязаны» к конкретному участку культурного слоя.

События конца 90-х гг. в Чечне привели к утрате большинства отчетных материалов прошлых лет и уничтожению документации на хранящиеся коллекции, которые депортированы. Часть материалов утрачена полностью, остальная нуждается в обработке и разборе. Актуальна публикация сохранившихся части архивных и отчетных материалов, проведение новых полевых археологических изысканий.

С ростом объемов незаконных раскопок и массового разрушения памятников в ходе освоения территорий происходит создание частных коллекций и музеев. Материалы эпохи раннего железного века составляют в них значимую часть, однако малодоступны для исследователей. В последнее время часть коллекций, отнесенных ранее к эпохе раннего средневековья, соотнесена с древностями предшествующего исторического периода (14). Это связано в том числе с неразработанностью критериев выделения производственных традиций позднего этапа раннего железного века – раннего средневековья, с несовершенством примененных методик полевого изучения памятников, незначительным объемом опубликованных отчетных данных. Все это негативным образом сказывается на некоторых исторических выводах и построениях. Так, например, трактовка ряда Куларинских подкурганых погребений, а также захоронения «рабыни» в кургане № 4 у с. Гойты, как могил местного населения, зависимых от знатных кочевников (15), должна

быть более обоснованной, как и более осторожное предположение о том, что не все погребения в курганах являются исключительно сарматскими (16). Для подобных выводов необходим анализ, прежде всего, всего корпуса доступных источников по погребальным памятникам курганного типа, который еще впереди, т.к. эти материалы были опубликованы лишь недавно (17).

Бытовые памятники, в том числе эпохи раннего железного века на Северном Кавказе, до сих пор изучены, за небольшим исключением, на уровне производства разведочных работ или фиксации памятника по наличию на нем культурного слоя с помощью случайных сборов (18). Подобная тенденция характерна и для изучаемой территории. При этом следует учитывать, что объемы произведенных работ не делают памятник эталонным автоматически. Для этого необходимо исследовать все элементы поселенческой инфраструктуры, прежде всего – на стратиграфически непотревоженных участках культурного слоя, с тщательной поквдратной и послойной фиксацией, с нивелировками всех находок, с соотнесением полученных данных по прослойкам и слоям в профилях и разрезах. Необходимо детально фиксировать заполнения хозяйственных ям, учитывать все случаи прямой стратиграфии, выделять датирующие предметы, ведущие группы вещей из каждого слоя, хронология и культурная принадлежность которых определена по аналогиям, лежащим в основе подробной типологической и хронологической классификации.

В настоящее время приходится констатировать, что степень обработки, публикации и научного осмысления памятников и предметов материальной культуры эпохи раннего железного века с территории Чечни не соответствует современному уровню их теоретического обобщения и исторических выводов о далеком прошлом ее автохтонного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Мужухоев М.Б.* Нарты. Аланы. Вайнахи (К истории ингушского народа). – Назрань, 1996. – С. 6–7, 45, 48, 59–61; *Ковалевская В.Б.* Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1988. – С. 13; *Дударев С.Л.* Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Эпоха раннего железа. – Киев – Полтава, 2009. – С. 135–141; *Багаев М.Х.* Была ли нахская цивилизация? // XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. – Владикавказ, 2008. – С. 29–31; *История Ингушетии.* – Магас-Нальчик, 2011. – С. 59–66.
- (2) *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. – С. 387–396; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. – М., 1972. – С. 26, 32–33, 84–93, 284–313; *Мужухоев М.Б.* Этнические процессы на Центральном Кавказе в древности (кобанская культура) // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1992 г. – Махачкала, 1992. – С. 62–74; *Багаев М.Х.* Происхождение вайнахского

- народа // Там же, С. 145–156; *Он же*: Правайнахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*, вып. VIII. – М., 2008. – С. 398–399; *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). – М., 2001. – С. 91–93; *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). – М., 1993. – С. 191–201.
- (3) *Чеченов И.М.* Новые негативные явления в освещении древней истории Северного Кавказа // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа – в сб.: *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*, вып. VIII. – М., 2008. – С. 500–501; *Туалагов А.А.* Нахоязычные скифы и аланы – реальность или миф? – Владикавказ, 2008.
 - (4) *Бурков С.Б.* К вопросу об информативных возможностях бытовых и погребальных памятников эпохи раннего железного века с территории Чечни // XXVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. – Махачкала, 2012. – С. 165–166.
 - (5) *Бурков С.Б.* К истории полевого изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века на территории Чечни // *Историко-археологический альманах*, вып. 11. Армавир – Краснодар. – М., 2012. – С. 181.
 - (6) Труды подготовительного комитета V археологического съезда. – М., 1879. – С. 9, 14, 38, 43–44.
 - (7) *Самоквасов Д.А.* Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. – М., 1908. – С. 3–12.
 - (8) *Прокопенко Ю.А.* Использование фотографии в археологии и краеведении на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // VI Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции. – Ставрополь, 2011. – С. 65–67.
 - (9) *Желебев С.А.* Введение в археологию. Теория и практика археологического знания. Часть II. – Петроград, 1923. – С. 68–69, 71, 135; *Миллер А.А.* Археологические разведки. – Л., 1934; *Смирнов А.П., Милонов Н.П.* Краткое руководство по археологии. – М., 1939.
 - (10) *Мамаев Х.М.* Из истории археологического изучения Чечни (К 70-летию начала работы Чечено-Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) // *Вестник Академии Наук Чеченской Республики*. – Грозный, 2008. – № 1. – С. 90–99.
 - (11) *Мамаев Х.М.* О хронологии Алхан – Калининского городища // XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – Владикавказ. – 2008. – С. 239–241.
 - (12) *Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). – Тула, 2008. – С. 64–65.
 - (13) *Бурков С.Б.* К истории полевого изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века на территории Чечни // *Историко-археологический альманах*, вып. 11. – С. 186.
 - (14) *Багаев М.Х., Мамаев Х.М.* Герменчукское городище в Чечне (вопросы хронологии) // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. – Магас, 2010. – С. 28–30; *Мамаев Х.М.* О дате костяных наконечников стрел Дайского могильника // Там же. – С. 236–237.
 - (15) *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо – Восточный Кавказ в скифское время. – С. 58.

- (16) *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в.н.э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1980. – С. 19.
- (17) *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганные погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. – Ставрополь, 2008.
- (18) *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время. – С. 6.

THE INFORMATIVE VALUE OF THE SOURCES OF THE MATERIALS OF THE EARLY IRON AGE FROM THE TERRITORY OF CHECHNYA

S. Burkov

Institute of History and Archaeology
Republic of North Ossetia-Alania
Vatutina str., 46, Vladikavkaz, Russia, 362025

The article is devoted to determination of correlation between the historical conclusions on the origin of the Nakh (Vaynakh) ethnic groups in early Iron Age and the level of knowledge of the material artifacts of the given historical period, applied to the territory of modern Chechnya. Eventually the conclusion is made that the level study, publication and scientific comprehension of the artifacts of material culture of early Iron Age from the territory of Chechnya does not correspond to the present level of theoretical generalization and historical conclusions about the ancient past of its indigenous population.

Key words: early Iron Age, the historical lots, the ethnos, methods of study, collections of the ancient artifacts, collections, the burial complex, the tumulus, the hillfort, the finding, the burial ground, the funds, principles of scientific approach, archeological excavations.